

УДК 165.64

Учение о познании в английской традиции

Сердечная Вера Владимировна

Кандидат филологических наук,
научный редактор ООО «Аналитика Родис»,
142400, Россия, Московская обл., Ногинск, ул. Рогожская, 7;
e-mail: rintra@rambler.ru

Аннотация

В статье рассматривается эволюция эмпирического познания в британской философии начиная с эпохи средневековья и вплоть до учения Дж. Беркли. Особенности построения и содержания гносеологии Джорджа Беркли, оказавшей немалое влияние на развитие европейской философской мысли, не в последнюю очередь определяется наследием английской философской традиции, которая от средневековья до расцвета номиналистического эмпиризма характеризуется общим тяготением к экспериментальному познанию.

Ключевые слова

Гносеология, Беркли, Бэкон, Локк, Юм, эмпиризм, британская философия, экспериментальное познание.

Введение

История английской мысли является собой пример ярко выраженной тенденции к упорядочению и упрощению самой процедуры познания, к означению его пределов (буквально

определению), а также синтезу наиболее видных направлений мысли своего времени. Такие знаковые имена, как Оккам, Ньютон, Бэкон, Локк, Беркли, Юм, могут достойно очертить границы традиции экономии познавательных усилий и опоры на дан-

ные опыта, отличивших английскую философскую традицию.

Джордж Беркли, яркий представитель эмпирической традиции, сочетает в своем учении тенденции, проявляющиеся во всей предшествующей истории английской мысли. Гносеология Беркли зачастую подается с точки зрения последующего развития его идей (как в широко цитируемом труде Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»); но сами оригинальность и закономерность развития взгляда философа более очевидны при рассмотрении его в рамках предшествующей традиции английской философии, которая обуславливает не только принципы учения Беркли, но и дальнейшее развитие английского эмпиризма.

Гносеология средневековых британских философов

В рамках схоластической средневековой традиции понятие эмпиризма имеет свои особенности и несводимо к классическим формам, явленным в Англии в новое время. Но сама гносеологическая направленность британской (тогда еще латиноязычной) философии, раннее упрочение роли экспериментального пути познания

позволяют выделить эмпиризм как одну из определяющих черт развития английской философии.

Первым видным философом Британии был Иоанн Скот Эриугена. Он стал «наиболее престижной фигурой в плане грандиозного философско-теологического синтеза»¹. Именно он – автор знаменитой схемы «разделения природы» (по принципу свершения и претерпения акта творения) по бинарным оппозициям «сотворенная – несотворенная» и «творящая – нетворящая». По Эриугене, чувственный и множественный аспект сотворенного мира есть выражение первородного греха. «Тело – наше, но мы – не тело»², замечает философ, предсказывая ориентацию на истинное бытие в духе по Беркли. Оставаясь реалистом (в схоластическом понимании этого слова), Эриугена утверждает познавательную мощь человеческого разума, истинность диалектики как пути от единого ко множому и от множому к единому, ибо «человек есть разумная субстанция, способная к восприятию

1 Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. – Том 2. Средневековье. – СПб, 1997. – С. 93.

2 Цит. по: Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. – Том 2. Средневековье. – СПб, 1997. – С. 95.

мудрости»³. Он первым утверждает единство философского и теологического познания: «Никто не восходит на небо иначе, чем через философию»⁴.

Средневековый оксфордский натурализм представляют две яркие фигуры, основатели фундамента эмпирической философии Роберт Гроссетест и Роджер Бэкон.

Роберт Гроссетест стал автором уникальной системы космологии, «философии света». Он объясняет образование небесных сфер и земных стихий диффузией света, соединением и разложением его лучей: «Свет, который есть первая форма в первой материи сотворенная, себя самого посредством себя же самого бесконечно умножающий и во все стороны равномерно простирающий, распростирал в начале времен материю, которую не мог оставить, растягивая ее вместе в собой до размеров мироздания»⁵. В работах средневекового философа систематизированы все известные к тому времени сведения о пре-

ломлении света, о зеркалах и линзах. В замечании о том, что без изучения линий, углов и фигур, имеющих подобные свойства во всей вселенной, «мы ничего не поймем в натуральной философии»⁶, предвосхищаются теоретические основания современной физики.

Роджер Бэкон, ученик Гроссетеста, знаково предсказывает теорию идолов своего знаменитого однофамильца, строя схему препятствий, стоящих на пути истины: доверие сомнительному авторитету; привычка; вульгарные глупости; невежество под личиной всезнания. Предвосхищению дальнейшей традиции гносеологического критицизма соответствует и внимание, уделяемое Бэконом экспериментальному пути познания истины. Внешний опыт, получаемый чувственным путем, дополняет внутренний опыт познания сверхприродного и не может быть им заменен.

В Оксфорде учился и Иоанн Дунс Скот, еще одна великая фигура английского средневековья. Продолжая направление, начатое Бэконом, основной своей задачей Дунс Скот видит уточнение границ познания.

3 Хрестоматия по философии. – Ростов н/Д., 2002. – С. 98.

4 Цит. по: Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. – Том 2. Средневековье. – СПб, 1997. – С. 97.

5 Хрестоматия по философии. – Ростов н/Д., 2002. – С. 127.

6 Цит. по: Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. – Том 2. Средневековье. – СПб, 1997. – С. 163.

В отличие от Эриугены, он отделяет философию от теологии, определяя для каждой области познания свой объект: бытие, *ens*, для философии и предметы веры – для теологии. Доктрина разделения реального, формального и модального, защищаемая философом, служит той же цели постижения сложного объекта нашего познания. Пределом доступного для ума становится понятие простого сущего. Для спецификации и познания более сложных, структурно подчиненных областей философ признает необходимость автономных наук, как и теологии. По мере отделения частных наук от единого синкретичного потока познания теология становится все менее строго доказуемой, намечая полное размежевание этих областей по принципу рационального подхода.

«Еще более радикальный эмпиризм мы находим в произведениях Уильяма Оккама, величайшего из францисканских ученых»⁷. Для него реальность – это бытие конкретной вещи, и только она становится объектом опыта, источника познания. Особенно показателен этот поворот мысли у Оккама-метафизика, не связанного, в отличие от Роджера Бэкона,

с экспериментальной натурфилософией. Оккам резко разводит множественное и Единое, мир и Бога, по разные стороны познания. Принцип, известный как «брита Оккама» – «не следует умножать сущности сверх необходимости»⁸ – ложится в основу принципа экономии познавательных усилий науки нового времени. Философ отвергает иерархию форм, субстанций, причин – метафизических посредников между миром Единого и множественного. Примат индивидуального – резкий отказ от универсального как предмета истинного знания, от детерминизма, а значит, и от рационального доказательства бытия Божия. Оккам заявляет: «Ничто из того, что вне души, реально или рационально постижимого, ни само по себе, ни для другого, о чем можно судить, не есть универсальное... как невозможно, чтобы человек в каком бы то ни было аспекте рассматривался как осел»⁹. Следствием этого радикального слома метафизической структуры является примат опыта в познании.

8 Цит. по: Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. – Том 2. Средневековье. – СПб., 1997. – С. 181.

9 Цит. по: Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. – Том 2. Средневековье. – СПб., 1997. – С. 181.

7 Рассел Б. Мудрость Запада. – М., 1998. – С. 249.

Очевидно, что Оккам – первый последовательный номиналист английской философии. Вербальные формы для него – лишь средства выражения логических отношений и называния, но не отражение сущности вещей.

Таким образом, история английской средневековой мысли подтверждает тезис об эмпирической основе ее развития. Путь от схоластического реализма Эриугены к номинализму Оккама предсказывает и направленность гносеологии британской философии нового времени.

Теория познания философии промышленной эры

Тенденции развития средневековой английской мысли получают в новое время закономерное продолжение в трудах Ньютона и Бэкона – основателей современной структуры и этики научного знания. Упор на рациональную доказательность, отказ от опосредованности познания и требование практического применения положений философии (уже тяготеющей к научным направлениям современности) становятся главными идеями философии промышленной эры¹⁰.

10 См. также: Нугаев Р.М. Становление науки нового времени: интертеоретиче-

Значительной фигурой мировой мысли, знаменующий новую эпоху знания, является Исаак Ньютон. Он завершает научную революцию; с его системой мира обретает свой образ классическая физика: «без правильного понимания идей Ньютона мы не сможем понять вполне ни значительной части английского эмпиризма, ни Просвещения, особенно французского, ни самого Канта»¹¹. Интересно отметить, что Ньютон является выразителем и автором типично национальной картины мира, о чем пишет А. Моруа: «Чтение сочинений Локка дает сведения по философии, чтение Свифта – модель, чтение Ньютона – научную доктрину»¹².

Методологическими основаниями философии Ньютона становятся несколько положений, соответствующих традиционной для британской мысли экономии мышления. Первым из этих «правил философского рассуждения» становится аналог «бритвы Оккама» для физики: «Не следует допускать причин больше, чем доста-

ский контекст // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2012. – № 1. – С. 39-65.

11 Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. – Том 3. Новое время. – СПб., 1996. – С. 135.

12 Там же.

точно для объяснения видимых природных явлений»; второе и третье закладывают методологическую основу непротиворечивой системы научного знания: «Одни и те же явления мы должны, насколько возможно, объяснять теми же причинами ... Свойства тел, не допускающие ни постепенного увеличения, ни постепенного уменьшения и проявляющиеся во всех телах в пределах наших экспериментов, должны рассматриваться как универсальные». Последнее из правил – обоснование единственно точного метода выведения достоверных гипотез: «... суждения, выведенные путем общей индукции, следует рассматривать как истинные или очень близкие к истине ... пока не будут обнаружены другие явления, благодаря которым эти суждения или уточняют, или относятся к исключениям»¹³.

Для того, что не может быть ясно детерминировано и доказано, Ньютон предлагает лаконичное решение: «...гипотезам, метафизическим, физическим, механическим, скрытым свойствам не должно быть места в экспериментальной философии»¹⁴. Его доказательство существования Бога на основе космического поряд-

13 Там же. – С. 140.

14 Там же. – С. 144.

ка становится обоснованием деизма. Само выстраивание системы мира по единым правилам становится поворотной точкой мысли, к которой исподволь готовили еще учения Роджера Бэкона и Оккама.

«Философ промышленной эры»¹⁵ Фрэнсис Бэкон продолжает движение английской мысли, но придерживается нового для того времени взгляда о том, что знание должно не только основываться на практике, но и приносить свои плоды в практической деятельности, наука – служить развитию промышленности. Именно из-за «бесполезности» метода «Органону» Аристотеля Бэкон противопоставляет свой «Новый Органон». С той же точки зрения, за недостаток почтения к природе, философ критикует мыслителей прошлого, осуждает магов и алхимиков за сокрытие результатов познания, а логическую традицию – за бессилие проникнуть в суть природных явлений.

Бэкон предлагает путь интерпретации природы, индуктивного восхождения от каталога рассматриваемых явлений к непротиворечивому их объяснению, исходящий в конечном итоге из опыта: «Бог дал вам крепкие и прочные чувства ... для постижения

15 Там же. – С. 161.

неба и земли – творений Бога»¹⁶. И для достижения этого идеала познания человеку лишь необходимо отказаться от «идолов и ложных понятий», привычек сознания, не обоснованных ничем, кроме ошибок процесса познания. Классическая система «идолов», выстроенная философом, содержит *идолов рода*, ошибки самой человеческой природы, *идолов пещеры*, личностные заблуждения, *идолов площади (рынка)*, обусловленных языковыми различиями, и *идолов театра* – привычек сознания, обусловленных принятием распространенных философских доктрин.

Заветом философа стало его утверждение о познавательной мощи и практической потенции разума: «если мы внимательно, серьезно и искренне обратимся к действию и практике, то без большого труда сможем в результате исследований достичь того, что собой представляют те формы, познание которых могло бы удивительным образом обогатить и облагодетельствовать человечество»¹⁷.

Британский эмпиризм XVII века

Завоевания Бэкона и Ньютона стали логическим основанием даль-

нейшего развития британского эмпиризма, принимающего свои классические формы в философии Гоббса, Локка, Беркли и Юма.

Томас Гоббс, крупная фигура английского эмпиризма, был секретарем Бэкона. Логика Гоббса основывается на позднесcholастической традиции номинализма: слова – лишь конвенциональные знаки, действия с которыми (рассуждения) соотносятся с математическими. Вслед за Дунсом Скотом и Оккамом Гоббс призывает разграничить области правил, т.е. предпосылок познания, рели и философии. Главной областью интересов философа становится философия общества и государства, новое направление мысли, могущее стать не менее полезным, чем физика: в идеале философия сможет обеспечить мир, прекратив гражданские войны и бедствия¹⁸. Как и Бэкон, Гоббс привержен утилитарной концепции познания, но привносит в нее рационализм: философию он определяет как науку о телах – естественных и искусственных (природа, человек, государство). Из этих предпосылок исходит релятивизм (в социологии – эгоизм «естественно-

16 Там же. – С. 168.

17 Хрестоматия по философии. – Ростов н/Д., 2002. – С. 188.

18 Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. – Том 3. Новое время. – СПб., 1996. – С. 305.

го состояния» и конвенциональность государства-Левиафана) и идея несвободы тел: в пределах материалистического детерминизма нет случайного, а значит, нет и выбора. Механически удаляя область духовного (превращая все объекты познания в «тела»), Гоббс прокладывает дорогу атеизму, а применение математических методов к логике «приводит к возникновению целого ряда апорий»¹⁹.

Эмпиризм был существенной составной частью учения Бэкона и Гоббса, хотя у первого он ограничен тематикой научного опыта, а у второго – переплетен с рационализмом. Крупнейшая фигура британской философии, Джон Локк разрабатывает гносеологию как специальную область философии, обосновывает сенсуалистическую теорию познания. Фрэнсис Бэкон писал, что необходимо добиться «лучшего и более совершенного применения разума»²⁰. Для Локка постижение законов познания и ограничение его возможностей становится целью; он исследует не объект познания, но сам субъект, очерчивая пределы познавательной способности разума: «для моряка весьма полезно знать длину линия своего лота, хотя

19 Там же. – С. 320.

20 Там же. – С. 324.

он не может измерить им всех глубин океана»²¹. Как замечает философ, «знание своих познавательных способностей предохраняет нас от скептицизма и умственной бездеятельности»²².

Анализ пределов, условий и реальных возможностей человеческого познания, как замечает Никола Абба-ньяно, «внушен давней эмпирической традицией английской философии, идущей от Роджера Бэкона, Оккама и философов меньшего масштаба к Ф. Бэкону и Гоббсу»²³. По Локку, идеи (мысленные образы, но не прообразы вещей) приходят всегда и только из опыта: «это единственный, какой я сумел открыть, путь, которым идеи вещей проникают в разум»²⁴; впоследствии Беркли не без основания критикует философа за невозможность объяснения взаимодействия двух миров – вещей и духа.

От критики идолов, привычек сознания, английская философия в лице Локка переходит к критике врожденных идей, используя старин-

21 Там же. – С. 325.

22 Хрестоматия по философии. – Ростов н/Д., 2002. – С. 225.

23 Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. – Том 3. Новое время. – СПб., 1996. – С. 326.

24 Хрестоматия по философии. – Ростов н/Д., 2002. – С. 224.

ное представление о душе как «*tabula rasa*»: «Откуда добывается весь *material* разума и познания? Отвечу одним словом: из ОПЫТА. Именно на нем основано все наше познание и из него же оно берез начало»²⁵.

Очень показательно, что «эмпирик» Локк полагает существование Бога более бесспорным и достоверным, чем любое чувственное познание: «мы узнаем о существовании Бога с большей уверенностью, чем познаем существование каких-то других вещей вне нас»²⁶. Именно поэтому авторитет Священного Писания остается для Локка определяющим: «Как только мне покажут, что мое учение противоречит хоть одному положению Писания, я немедленно откажусь от любой своей теории»²⁷.

История английской мысли XVII века показывает развитие принципа эмпиризма, определяющего направления британской философии. Бертран Рассел замечает: «Британская ... философия в общем более следует методу эмпирического исследования в науке... Эмпирическая ...

философия, основанная на наблюдениях, не потерпит крах, даже если в некоторых аспектах ее мы обнаружим погрешности»²⁸. Это замечание справедливо и относительно учения Джорджа Беркли, обозначившего в истории философии направление, актуальное до сих пор.

Теория познания Джорджа Беркли

Джон Локк, автор сенсуалистической теории познания, делает первые шаги к разрушению реалистической (в средневековом смысле) гносеологической традиции. После него наступает очередь Беркли, наносящего очередной удар по традиционной метафизике.

Главным философским произведением Беркли, не уступающим остроумием и мастерством аргументации признанным его шедевром, имеющим более выраженную литературную направленность, стал «Трактат о принципах человеческого знания, в котором исследованы главные причины заблуждений и затруднений в науках, а также основания скептицизма, атеизма и безверия» («*A treatise*

25 Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. – Том 3. Новое время. – СПб., 1996. – С. 329.

26 Там же. – С. 338.

27 Там же. – С. 343.

28 Рассел Б. Мудрость Запада. – М., 1998. – С. 333 – 334.

concerning the principles of human knowledge wherein the chief causes of error and difficulty in the sciences, with the grounds of scepticism, atheism and irreligion, are inquired into»).

Целью трактата, как отмечается в предисловии, является воздействие на тех, «кто заражен скептицизмом или испытывает отсутствие доказательства существования и нематериальности бога, равно как природного бессмертия души»²⁹. Таким образом, гносеология номинализма Беркли, тяготеющая на первый взгляд к своеобразному агностицизму, становится «обновленной апологетикой»³⁰. Для достижения цели Беркли ставит перед собой следующую задачу: «открыть те принципы, которые были причиной сомнительности, неверности, нелепостей и противоречий в различных школах философии в такой мере, что самые мудрые люди сочли наше неведение неисцелимым, полагая, что оно зависит от естественной слабости и ограниченности наших способностей»³¹.

29 Беркли Дж. Сочинения. – М., 2000. – С. 118.

30 Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. – Том 3. Новое время. – СПб., 1996. – С. 345.

31 Беркли Дж. Сочинения. – М., 2000. – С. 120.

Точка зрения, выбираемая Беркли – нарочито наивная, гносеологические посылки восходят к привычкам обыденного познания. Позиция философа-исследователя становится позицией вопрошателя, предпочитающего обвинению в близорукости бездоказательной широте воззрений: «самые широкие виды не всегда бывают самыми ясными и что тот, кто близорук, вынужден рассматривать предметы ближе и в состоянии, может быть, при близком и тесном исследовании различить то, что ускользало от лучших глаз»³².

Для доказательства и наглядного представления своих идей Беркли использует изысканную метафорику: так, затруднениям, возникшим перед процессом сознания в течение развития человеческой мысли, «мы всецело обязаны самим себе; ... мы сначала подняли облако пыли, а затем жалуемся на то, что оно мешает нам видеть»³³. Этот образ странствует по страницам «Трактата»: в дальнейшем Беркли сетует на то, «сколько ученой пыли поднято»³⁴ спорами об абстракциях.

Одним из главных и опасных заблуждений философии как разви-

32 Там же. – С. 121.

33 Там же. – С. 120.

34 Там же. – С. 130.

той системы человеческого знания о мире для Беркли становится «мнение, будто ум обладает способностью образовывать абстрактные идеи или понятия о вещах»³⁵. С этой идеей оказываются связаны не только критикуемое философом понятие материи, но и сам атеизм. Опасность этого заблуждения в том, что он проник во все области знания, так что и в метафизике, и в логике едва ли найдется «какой-нибудь вопрос, трактуемый таким способом, который не предполагал бы, что абстрактные идеи существуют в уме и что ум с ними хорошо знаком»³⁶. Между тем само напластование абстрагированных качеств затрудняет мышление: «время, место и движение, взятые частно и конкретно, суть то, что всякий знает; но, пройдя через руки метафизика, они становятся слишком абстрактными и утонченными для понимания людей с обычными способностями»³⁷.

Беркли согласен с Локком в том, что «при внимательном размышлении об общих идеях мы найдем, что они суть фикции и выдумки ума, которые заключают в себе трудности и не так легко появляются, как мы склонны

думать»³⁸. Но возражает самой мысли о том, будто вообще может быть измышлена общая идея треугольника, «который ни косоуголен, ни прямоуголен, ни равносторонен, ни равнобедрен, ни неравносторонен, но который есть вместе и всякий, и никакой из них»³⁹. Апелляция к обыденному сознанию становится для Беркли не только обращением к традиции, но и обращением к самому разуму.

Беркли поясняет свою мысль: «я абсолютно отрицаю существование не общих идей, а лишь абстрактных общих идей»⁴⁰. Такая общая идея, с помощью которой действительно развивается мышление, для Беркли образуется следующим образом: «вещи, названия или понятия, будучи *частными* по своей собственной природе, становятся *общими*»⁴¹. Философ предлагает свое понимание построения не-частной идеи: она становится не отвлеченной от иных, сопутствующих ей в восприятии, но просто примером, для которого некоторые черты не столь важны, хотя полностью элиминировать их для Беркли представляется невозможным. Упомянутый уже треу-

38 Там же. – С. 127.

39 Там же.

40 Там же. – С. 126.

41 Там же. – С. 128.

35 Там же. – С. 121.

36 Там же. – С. 121.

37 Там же. – С. 181.

гольник будет тогда не неуловимым и немислимым треугольником Локка; в мышлении присутствует «частный треугольник ... безразлично, будет ли он того или иного рода, одинаково заменяет или представляет собой все прямолинейные треугольники всякого рода и в этом смысле общ»⁴².

Критическим резцом опытного познания Беркли проходится и по понятию числа. Выяснив, что оно, как и буквенные обозначения алгебры или слова языка, относительно, растяжимы по значению и, следовательно, обладают знаковой, указательной природой, он резко возражает мысли Локка о том, что «единица есть простая или несложная идея, сопровождающая в нашем духе все прочие идеи»: для Беркли очевидно, что «единица означает особую комбинацию идей, произвольно составяемую духом»⁴³. А значит, не только все иные числа, но и единица – абстрактная, а следовательно, бессодержательная, немислимая идея.

Повинным во всеобщих заблуждениях абстракции для Беркли становится язык: «речь подчиняется господствующим мнениям, которые не всегда бывают самыми верными»⁴⁴.

42 Там же. – С. 128-129.

43 Там же. – С. 142.

44 Там же. – С. 160.

Именно в важнейшем средстве коммуникации происходит абстрагирование, образование универсалий, которое потом метафорически переносят и на сам процесс мышления: «если бы не существовало такого предмета, как язык или общие знаки, то никогда не явилось бы мысли об абстрагировании»⁴⁵. Повинно «общее имя», имеющее потенцию обозначать безразлично большое число частных идей. Вывод Беркли – что имена в действительности должны читаться не как прямые соответствия сущностям, но как знаки: «при чтении и разговоре имена употребляются по большей части, как буквы в алгебре»⁴⁶. Обозначая знаковость языковых единиц, философ обосновывает номинализм своей гносеологии. Иронически заключая свою мысль, Беркли делает лукавое замечание в духе английского сатирического романа (философ был хорошо знаком со Свифтом): «так как слова столь способны вводить в заблуждение ум, то я решил в моих исследованиях делать из них возможно меньшее употребление»⁴⁷.

Тем не менее заслугу свою как лингвиста Беркли видит в размежева-

45 Там же. – С. 131.

46 Там же. – С. 132.

47 Там же. – С. 134.

нии самих «общих слов» и идей, ими обозначаемых. Неразличение области означаемого и означающего для Беркли – главная причина «того, что те, которые так настойчиво советовали другим устранять всякое употребление слов во время размышления и рассматривать лишь свои идеи, сами этого не выполнили»⁴⁸. Нелепость соединения этих двух областей философ выражает оксюморным словосочетанием «*определенная абстрактная идея*» (значение «каждого общего имени»)⁴⁹.

Esse est percipi: главный постулат учения Беркли

Беркли обозначает две познавательных области, соотносимые с объектами и субъектом познания. Второе может быть равно названо «*умом, духом, душою или мной самим*»⁵⁰ и включает в себе первое: «этими словами я обозначаю не одну из своих идей, но вещь, совершенно отличную от них, в которой они существуют, или, что то же самое, которой они воспринимаются, так как существование идеи состоит в ее воспринимаемости»⁵¹.

48 Там же. – С. 135.

49 Там же.

50 Там же. – С. 137.

51 Там же. – С. 137-138.

Этот постулат своей гносеологической теории, более кратко выражаемый *esse est percipi*, Беркли развивает в дальнейших параграфах «Трактата»: «различные ощущения или идеи ... не могут существовать иначе как в духе, который их воспринимает»⁵². Он иллюстрирует эту мысль, как и ранее, примером эмпирическим: «Когда я говорю, что стол, на котором я пишу, существует, то это значит, что я вижу и ощущаю его»⁵³.

Обозначая один из идиологов театра по Бэкону, Беркли обращается к абсурдной, на его взгляд, привычке мышления, обусловленной многовековыми напластованиями метафизики на опыт: «Странным образом среди людей преобладает мнение, что дома, горы, реки, одним словом, чувственные вещи имеют существование, природное или реальное, отличное от того, что их воспринимает разум»⁵⁴. Беркли говорит о своеобразном гносеологическом излишестве абстракции: «может ли быть более тонкая нить абстрагирования, чем отличие существования ощущаемых предметов от их воспринимаемости так, чтобы представлять их себе

52 Там же. – С. 138.

53 Там же.

54 Там же.

как существующие невоспринимаемыми?»⁵⁵.

Беркли приводит аргумент, неопровержимый в его простоте, против которого бессилён и камень Джонсона: «А что же мы воспринимаем, как не свои собственные идеи или ощущения (ideas or sensations)?»⁵⁶. Отсюда и известное заключение: «На самом деле объект и ощущение одно и то же (are the same thing) и не могут поэтому быть абстрагируемы одно от другого»⁵⁷. Беркли высмеивает само предположение, что его теория отрицает реальность; это просто перестановка акцентов: «В том, что все, что я вижу, слышу и осязаю, существует, т. е. воспринимается мной, я так же мало сомневаюсь, как в собственном бытии»⁵⁸.

Интересно отметить, что для Беркли этот вывод не приводит к агностицизму. Англиканский священник связывает мир воедино, не давая ему рассыпаться на частицы восприятий, единым вечно восприимлющим духом – Богом. Небесный хор и убранство земли для него равно объекты восприятия, ибо «все вещи, со-

ставляющие Вселенную, не имеют существования вне духа»⁵⁹ (1, 139).

Материя и дух в системе Беркли

Одним из главных объектов критики становится для Беркли понятие материи, или телесной субстанции, (также своеобразного идола театра) как «инертной, нечувствующей субстанции, в которой действительно существуют протяжение, форма и движение»⁶⁰ – «то устаревшее и многократно осмеянное понятие о *materia prima*, с которым мы встречаемся у Аристотеля и его последователей»⁶¹. Это понятие не только бесполезно, но и опасно, ибо ведет к отрицанию роли духа: «атеисту ... нужен этот призрак пустого имени, чтобы обосновать свое безбожие»⁶².

Продолжая полемизировать с Локком, Беркли критикует идею первичных и вторичных качеств. Каковы критерии отличения реально существующих качеств от кажущихся? Уже из самого факта их восприятия нами становится ясно, что «протяже-

55 Там же. – С. 139.

56 Там же.

57 Там же. – С. 139.

58 Там же. – С. 154.

59 Там же. – С. 139.

60 Там же. – С. 141.

61 Там же. – С. 142.

62 Там же. – С. 152.

ние и движение суть лишь идеи, существующие в духе»⁶³.

Установив, что ни данные зрения, ни данные осязания не могут считаться объективными, Беркли заключает, что «материя, существование которой утверждается философами, есть нечто непознаваемое, не имеющее ни одного из тех частных качеств, посредством каковых отличаются меж собой воспринимаемые нашими ощущениями тела»⁶⁴. Лишив материю первичных качеств как внутренне присущих, философ задает вопрос о самой целесообразности понятия этой невоспринимаемой, но реально существующей субстанции: «такое понятие материи ... представляется слишком странным для того, чтобы заслуживать опровержения»⁶⁵.

Здесь же возникает вопрос о телах и их познании (сути философии по Гоббсу): «если допустить возможность существования вне духа вещественных, имеющих форму и подвижных субстанций, соответствующих нашим идеям о телах, то как было бы возможно для нас знать о них?»⁶⁶. Беркли замечает, что это представление

комфортно для человека: «легче представить себе и объяснить способ возникновения идей при предположении существования внешних тел, сходных с ними, чем иным путем; и, таким образом, в конце концов может показаться по крайней мере вероятным, что существуют такие вещи, как тела, возбуждающие в нашем духе идеи о них»⁶⁷. Но это маловероятно, так как даже приверженцы идеи независимой от духа материи не могут объяснить, «каким образом тело может действовать на дух или как возможно, чтобы идея запечатлевалась в духе»⁶⁸; по Беркли «ни единичные ощущаемые тела, ни что-либо подобное им не могут существовать вне духа»⁶⁹.

Ответом Беркли на вопрос о познании становится понятие духа: «Дух есть простое, нераздельное, деятельное существо; как воспринимающее идеи, оно именуется умом; как производящее их или иным способом действующее над ними – волей»⁷⁰. Наш дух в функции воли может производить идеи (в воображении, памяти, снах). Но идеи, производимые ощущениями, «определеннее, живее

63 Там же. – С. 141.

64 Там же. – С. 157.

65 Там же. – С. 170.

66 Там же. – С. 144.

67 Там же.

68 Там же. – С. 145.

69 Там же. – С. 158.

70 Там же. – С. 149.

и отчетливее, чем идеи воображения; первые имеют также постоянство, порядок и связь и возникают не случайно ... а в правильной последовательности или рядах»⁷¹. Этот порядок идей – неизменные законы природы и физические законы, придающие бытию человека постоянство, «дает нам род предвидения, которое делает нас способными управлять нашими действиями для пользы жизни»⁷².

А значит, есть иная воля, производящая их: характеризующая явления «удивительная связь ... достаточно свидетельствует о мудрости и благости их творца»⁷³. Сами эти идеоявления «свидетельствуют о действии ума, более могущественного и мудрого, чем ум человеческий»⁷⁴. В прославлении Бога-творца великих закономерностей, не дающих нам потерять чувство реальности, Беркли вслед за Ньютоном остается верен идее творца-вседержителя, устроителя мирового порядка, на почве которой в том же XVIII веке пышно расцветает деизм. В отличие от Локка и Юма, Беркли необходимо наделяет свой мировой дух еще одним качеством: всевосприяти-

ем (семантическая параллель традиционному всеведению, а по Беркли – и всемогуществу). Действительно, если познание и само существование объектов вне познающего субъекта создается восприятием, то непрерывность, устойчивость и упорядоченность мира можно объяснить только постоянным единым и цельным восприятием: «может существовать некоторый другой дух, который воспринимает их в то время, когда мы этого не делаем»⁷⁵.

Беркли – не только великий философ своего времени; оспаривая метод Ньютона, основоположника современной научной системы, как способ познания сущности тел, он предвосхищает идеи критических выступлений Маха. Вероятно, в этой связи уместно процитировать известное высказывание Ленина (из работы «Материализм и эмпириокритицизм»), которое приводят, что интересно, не только советские историки литературы, но и итальянские авторы: «“новейшие” махисты не привели против материалистов ни одного, буквально ни единого метода, которого не было бы у епископа Беркли»⁷⁶.

71 Там же. – С. 150.

72 Там же.

73 Там же.

74 Там же. – С. 153.

75 Там же. – С. 158.

76 Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. – Том 3. Новое время. – СПб., 1996. – С. 369.

Заключение

Особенности построения и содержания гносеологии Джорджа Беркли, оказавшей немалое влияние на развитие европейской философской мысли, не в последнюю очередь определяется наследием английской философской традиции, которая от средневековья до расцвета номиналистического эмпиризма характеризуется общим тяготением к экспериментальному познанию.

В рамках схоластической средневековой традиции понятие эмпиризма имеет свои особенности и несводимо к классическим формам, явленным в Англии в новое время. Но сама гносеологическая направленность британской (тогда еще латиноязычной) философии, раннее выделение роли экспериментального пути познания позволяют выделить эмпиризм как одну из определяющих черт развития английской философии. Путь от схоластического реализма Эриугены к номинализму Оккама предсказывает и направленность гносеологии британской философии нового времени.

Тенденции развития средневековой английской мысли получают в новое время закономерное продолжение в трудах Ньютона и Бэкона –

основателей современной структуры и этики научного знания. Упор на рациональную доказательность, отказ от опосредованности познания и требование практического применения положений философии (уже тяготеющей к научным направлениям современности) становятся главными идеями философии промышленной эры. Завоевания Бэкона и Ньютона стали логическим основанием дальнейшего развития британского эмпиризма, принимающего свои классические формы в философии Гоббса, Локка, Беркли и Юма.

История английской мысли XVII века показывает развитие принципа эмпиризма, определяющего направления британской философии. Это замечание справедливо и относительно учения Джорджа Беркли, обозначившего в истории философии направление мысли, актуальное до сих пор.

Библиография

1. Беркли Дж. Сочинения. – М., 2000. – 560 с.
2. Блинов Е.Н. Британский эмпиризм и его влияние на философию Канта: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2007. – 25 с.

3. Кузнецов В.Н., Мееровский Б.В., Грязнов А.Ф. Западноевропейская философия XVIII века. – М., 1986. – 400 с.
4. Нугаев Р.М. Становление науки нового времени: интертеоретический контекст // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2012. – № 1. – С. 39-65.
5. Рассел Б. Мудрость Запада. – М., 1998. – 479 с.
6. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. – Том 2. Средневековье. – СПб., 1997. – 368 с.
7. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. – Том 3. Новое время. – СПб., 1996. – 712 с.
8. Хрестоматия по философии. – Ростов н/Д., 2002. – 576 с.
9. Чельшева И.В. Историко-философский анализ конструирования медиареальности в учении Дж. Беркли // Медиаобразование. – 2010. – № 2. – С. 4-16.

The doctrine of the knowledge in English tradition

Serdechnaya Vera Vladimirovna

PhD (Philology), science editor,

"ANALITIKA RODIS" publishing house,

P.O. Box 142400, Rogozhskaya st., 7, Noginsk, Moscow region, Russia;

e-mail: rintra@yandex.ru

Abstract

The article deals with the evolution of empirical cognition in the history of British philosophy from Johannes Scotus Eriugena to George Berkeley. The author identifies the fundamental aspects of the development of empirical knowledge over many centuries of British thought. The purpose of this paper is characterization of a consistent line of one of the world tendencies of thought and its embodiment in the writings of G. Berkeley. The author concludes that the features of construction and content of the epistemology of George Berkeley, which has had a significant impact on the development of European philosophical thought, not least are de-

terminated by the heritage of the British philosophical tradition, which is characterized by a general tendency towards the experimental knowledge starting from the Middle Ages up to the flourishing of nominalist empiricism.

Keywords

Epistemology, Berkeley, Bacon, Locke, Hume, empiricism, British philosophy, experimental knowledge.

References

1. Berkeley, G. (2000), *Works [Sochineniya]*, Moscow, 560 p.
2. Blinov, E.N. (2007), *British empiricism and its influence on Kant's philosophy: abstract of thesis [Britanskii empirizm i ego vliyanie na filosofiyyu Kanta: avtoreferat dissertatsii]*, Moscow, 25 p.
3. Chelysheva, I.V. (2010), "Historical and philosophical analysis in the study of constructing of mediareality of G. Berkeley" ["Istoriko-filosofskii analiz konstruirovaniya mediareal'nosti v uchenii Dzh.Berkli"], *Mediaobrazovanie*, No. 2, pp. 4-16.
4. Kuznetsov, V.N., Meerovskii, B.V., Gryaznov, A.F. (1986), *Western European philosophy of the XVIII century [Zapadnoevropeiskaya filosofiya XVIII veka]*, Moscow, 400 p.
5. Nugaev, R.M. (2012), "The formation of modern science: intertheoretical context" ["Stanovlenie nauki novogo vremeni: interteoreticheskii kontekst"], *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*, No. 1, pp. 39-65.
6. *Reader in philosophy [Khrestomatiya po filosofii]*, Rostov-on-Don, 2002, 576 p.
7. Reale, G., Antiseri, D. (1996), *Western philosophy from its origins to the present day, Vol. 3, New time [Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dnei, Tom 3, Novoe vremya]*, St. Petersburg, 712 p.
8. Reale, G., Antiseri, D. (1997), *Western philosophy from its origins to the present day, Vol. 2, The Middle Ages [Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dnei, Tom 2, Srednevekov'e]*, St. Petersburg, 368 p.
9. Russell, B. (1998), *Wisdom of the West [Mudrost' Zapada]*, Moscow, 479 p.